

УЛОЖЕНІЕ
ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
АЛЕКСѢЯ МИХАИЛОВИЧА
И
ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ 1648-1649 ГОДА.

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ годичномъ собраніи Императорскаго Казанскаго Университета. 5-го ноября 1879 г.,
доцентомъ Университета,

ДОКТОРОМЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

Н. П. ЗАГОСКИНЫМЪ.

6707

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета

1879

По опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Универ-
ситета, печатать дозволяется. Казань, 17 октября 1879 года.

Секретарь Совѣта *Н. Фастрицкій*.

Мм. Гг.

1648 годъ—останется навсегда годомъ, въ высшей степени знаменательнымъ въ лѣтописяхъ отечественнаго законодательства. Этотъ годъ—является рубежомъ, отграничивающимъ древнее и новое законодательство наше. Во второй половинѣ этого года совершилось на Москвѣ великое „*государево и земское дѣло*“—составлено было Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, важнѣйшій законодательный памятникъ Московской Руси. Изданіе Уложенія представляется событіемъ первостепенной важности не только для современной ему юридической жизни, но и для позднѣйшаго развитія русскаго законодательства, являясь, если можно такъ выразиться—концомъ древняго и началомъ новаго законодательства русскаго; величайшій знатокъ духа историческаго развитія нашего юридическаго быта, покойный профессоръ Московскаго Университета, *И. Д. Бѣляевъ*, не безъ основанія начиналъ съ Уложенія курсъ новаго періода исторіи русскаго права. Въ Уложеніи, какъ въ оптическомъ фокусѣ, соединились итоги предшествовавшаго ему законодательства;

въ этомъ памятникѣ послѣднее обновилось, будучи, съ одной стороны, дополнено и видоизмѣнено, сообразно съ измѣнившимися условіями жизни, а съ другой стороны - освобождено отъ излишняго баласта, накопившагося въ теченіи столѣтія, истекшаго со времени изданія Судебника царя Іоанна IV-го. Въ Уложеніи царя Алексѣя древнія начала русскаго права были переданы въ наслѣдіе временамъ позднѣйшимъ. Вамъ конечно извѣстно, Мм. Гг., что Уложеніе царя Алексѣя Михайловича продолжало лежать краеугольнымъ камнемъ въ основѣ русскаго законодательства до самаго изданія Свода Законовъ и, въ качествѣ законодательства дѣйствующаго, напечатано во главѣ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи; отсюда, отдѣльными статьями своими (за исключеніемъ конечно утратившихъ уже практическое значеніе),—оно разсѣялось по различнымъ томамъ Свода Законовъ.

Ясно, что исторія составленія и изданія столь важнаго законодательнаго памятника не могла не останавливать на себѣ вниманія русскихъ историковъ юристовъ. И дѣйствительно, съ легкой руки покойнаго *Строева*, еще въ 1833 году издавшаго въ свѣтъ извѣстное свое „Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія, изданнаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ“—вопросъ этотъ въ теченіи послѣдующихъ 46 лѣтъ не переставалъ интересоватъ дѣятелей русской историко-юридической науки ⁽¹⁾.

(1) Укажемъ сочиненія, посвященныя изслѣдованію интересующаго насъ вопроса: «Объ источникахъ, изъ коихъ взято Уложеніе царя Алексѣя Михайловича (Московскій Телеграфъ 1834 г., № 7)»; упомянутое сейчасъ изслѣдованіе *Строева*; Г. З.: «Взглядъ на сочиненіе г. Строева объ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича (Спб 1834)»; *Морошки-*

Имѣя въ текущемъ году высоко-честное для меня порученіе нашего Университета занять Ваше вниманіе на годичномъ торжествѣ его—я избираю предметомъ моей настоящей бесѣды съ Вами именно одинъ изъ вопросовъ, касающихся исторіи составленія и изданія Уложения царя Алексѣя Михайловича. У весьма многихъ изъ Васъ, Мм. Гг., хотя бы и оглаستي только знакомыхъ съ литературою исторіи русскаго права, легко можетъ возникнуть въ мысляхъ вопросъ: можетъ ли избранный мною предметъ служить темою новаго историческаго разслѣдованія, такъ какъ, какъ только что было указано, вопросъ о составленіи и изданіи Уложения уже 46 лѣтъ занимаетъ русскихъ историковъ-юристовъ? Само собою разумѣется, что въ томъ случаѣ, если бы вопросъ объ исторіи изданія Уложения былъ совершенно исчерпанъ и выясненъ предшествовавшей литературою, —мнѣ ничего не оставалось бы болѣе, какъ избрать для своей рѣчи другую тему. Къ сожалѣнію сказать этого въ настоящее время невозможно. Не смотря на почти полуве-

на «Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи (рѣчь на актѣ Моск. Ун-та 1839 г.)», *Линовскаго*. «Исслѣдованіе началъ уголовного права изложеннаго въ Уложеніи ц. Алексѣя Михайловича (Од. 1847 г.)», *Забѣлина*. «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи ц. Алексѣя Михайловича (Архивъ ист.-юридич. свѣдѣній Калачова, I, 1850), Кавелина. «Рецензія на I кв. Архива ист.-юр. свѣд. Калачова (Сочиненія, III)», *Есиповичъ*. «Литературная разработка и общая характеристика Уложения 1649 г.»; *Владимирскій-Будановъ*. «Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ ц. Алексѣя Михайловича (Сборн. Госуд. Знаній, IV т. 1877 г.)». См. также въ сочиненіяхъ болѣе общаго содержанія, напр. у *Рожественскаго* (Обозр. внѣшней ист. рус. зак.-ва), *Шпилевскаго* (Объ источникахъ рус. права въ связи съ развитіемъ государства), *Михайлова* (Исторія рус. права), *Пашкина* (Исторія кодификаціи гражд. права), *Сергѣевича* (Земскіе соборы въ Моск. государствѣ), *Бѣляева* (Исторія русск. законодательства), первый томъ моей «Ист. права Моск. гос-ва» и т. п.

ковую давность свою, затронутый нами вопросъ весьма мало подвинулся въ своей разработкѣ послѣ появленія въ свѣтъ вышеприведеннаго сочиненія Строева и до настоящаго времени представлять весьма много неяснаго и загадочнаго. Много работъ ожидаетъ еще со стороны нашихъ историковъ-юристовъ Уложеніе Алексѣя Михайловича, для полнаго выясненія своей исторіи и историческаго значенія. Строевъ, изслѣдуя исторію Уложенія, не имѣлъ подъ руками неизданныхъ еще въ то время актовъ Археографической Коммиссіи—стяжавшихъ ему же впослѣдствіи почетное имя въ лѣтописяхъ русской исторической науки—вслѣдствіе чего всѣ сужденія свои объ этомъ законодательномъ памятникѣ вынужденъ былъ онъ основывать исключительно на собственномъ текстѣ его. Упустивъ изъ виду это весьма существенное обстоятельство, преемники Строева, слѣпо преклонившись передъ авторитетомъ его изслѣдованія—въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій передавали отъ поколѣнія къ поколѣнію выводы почтеннаго ученаго, не сопоставляя ихъ съ слѣдовавшими вскорѣ доступными изданіями Археографической Коммиссіи. Только въ новѣйшее сравнительно время намѣчено было новое направленіе въ изслѣдованіи исторіи Уложенія царя Алексѣя, благодаря трудамъ покойнаго *Щанова* и затѣмъ *проф. Сергѣевича*. Это новое направленіе выдвинуло впередъ вопросъ о степени участія земщины въ дѣлѣ составленія и изданія этого законодательнаго памятника. На этомъ то именно вопросѣ и имѣю я въ виду остановиться. Мм. Гг., Ваше вниманіе въ настоящей рѣчѣ мое* при чемъ долженъ буду затронуть въ эскизахъ и нѣкоторые другіе вопросы, имѣющіе отношеніе къ исторіи изданія Уложенія.

Вопросъ объ историческихъ условіяхъ, вызвавшихъ въ половинѣ XVII вѣка изданіе Уложенія, достаточно выясненъ уже наукою и въ данную минуту мнѣ не доведется долго на немъ останавливаться. Эти условія коренятся, съ одной стороны — въ обиліи отдѣльныхъ законодательныхъ опредѣленій, накопившихся въ видѣ царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ въ теченіи почти столѣтняго промежутка времени, истекшаго со времени изданія послѣдняго законодательнаго сборника, Судебника Іоанна IV, которыя, будучи издаваемы на отдѣльные практическіе случаи и вслѣдствіе этого отличаясь своею казуистичностью и нерѣдкими противорѣчіями, да вдобавокъ въ значительной массѣ потерявши всякое жизненное значеніе—требовали основательнаго пересмотра и освобожденія своего отъ излишняго законодательнаго баласта; съ другой стороны—необходимость кореннаго пересмотра законодательства проистекала изъ расшатанности всего государственнаго и общественнаго быта, рожденной предшествовавшимъ смутнымъ временемъ, которая сильно давало еще чувствовать себя къ половинѣ XVII-го вѣка. Смутное время до самаго основанія поколебало весь строй государственной жизни русской земли и грозило довести ее до края гибели. Цѣлая серія самозванцевъ, притязанія Польши и Швеціи, голодъ, убоицы, внутренняя рознь—губили какъ матеріальныя, такъ и духовныя силы народа. вмѣстѣ съ тѣмъ полное безначаліе, своеволія людей сильныхъ, угнетенія слабыхъ, игнорированіе закона—подрывали правомѣрность по всему протяженію государства. На долю царя Михаила Ѳеодоровича, избраннаго на престолъ въ 1613 году, выпала тяжкая доля прекратить невыносимое положеніе дѣлъ, созданное смутнымъ временемъ;

но ему далеко не удалось, да и было это почти невозможнымъ, довести до конца предстоявшую ему задачу. Царствованіе Михаила—это, такъ сказать, еще время борьбы за существованіе русскаго государства, вышедшаго изъ тяжелой години смутной эпохи, время борьбы съ внѣшними и внутренними врагами, мѣшавшими мирному ходу развитія жизни, столь необходимому государству послѣ вынесенныхъ имъ испытаній. Безпрерывныя войны, ведшіяся царемъ Михаиломъ, требовали огромныхъ издержекъ со стороны государства,—а между тѣмъ молодой государь, вступивъ на престолъ, принялъ государственную казну на столько пустою, что не на что было даже отдѣлать для его пріѣзда кремлевскихъ хоромъ. Потребны были великія матеріальныя жертвы со стороны народа—и послѣдній, въ лицѣ земскихъ соборовъ, собиравшихся царемъ Михаиломъ въ критическія минуты государственной жизни, съ замѣчательнымъ самопожертвованіемъ клалъ ихъ на алтарь отечества. Дѣйствительно, матеріальныя жертвы русской земщины послѣ смутнаго времени являются почти неслыханными: достаточно сказать, что, въ враткій промежутокъ времени 1613—1619 гг., земскій соборъ дважды постановлялъ сборъ пятой деньги, т. е. 20% со всѣхъ имуществъ, что за оба раза составило жертвованіе земщиною 40% съ имуществъ. Понятно, какъ отзывались подобныя жертвы на матеріальномъ благосостояніи низшихъ податныхъ классовъ, въ лицѣ посадскихъ и уѣздныхъ черныхъ общинъ. Извѣстно, что древняя Русь не имѣла дѣла съ отдѣльными лицами, какъ податными плательщиками: податною единицею признавалась община, все равно, городская—посадская, или уѣздная—волостная, члены которой связаны были круговою порукою и сами развер-

стывали между собою „по животамъ и промысламъ“ падавшую на всю общину сумму тягостей. Тяглымъ или чернымъ людямъ противопоставлялись бѣломѣстцы, лица освобожденные отъ государственнаго финансоваго тягла; сюда относилось духовенство, служилые люди и наконецъ гости и торговцы двухъ высшихъ разрядовъ—гостинной и суконной сотенъ. И вотъ массы уѣздныхъ тяглыхъ людей, избывая платежа падающихъ на ихъ долю тягостей---выходятъ изъ своихъ общинъ, переходятъ въ посады, города, гдѣ думаютъ поправить свое матеріальное положеніе занятіями городскими промыслами, или закладываются за монастыри и лицъ, пользующихся правами бѣломѣстцевъ, при посредствѣ и поддержкѣ которыхъ избавляются отъ своего тягла. Въ надеждѣ на улучшеніе своего благосостоянія бѣжали изъ за вотчинниковъ и помѣщиковъ своихъ крестьяне, лишь въ концѣ XVI вѣка прикрѣпленные къ землямъ на которыхъ сидѣли, хотя, въ рассматриваемую нами эпоху (первую половину XVII в.),—прикрѣпленіе это еще не было абсолютнымъ: существовали еще урочныя лѣта (до 1640 года пять лѣтъ, послѣ 1640 года—десять и пятнадцать лѣтъ), по истеченіи которыхъ вотчинникъ или помѣщикъ, не успѣвшій въ этотъ срокъ розыскать своего бѣглаго крестьянина, уже терялъ право требовать его возвращенія. Избывали финансоваго тягла и посадскіе люди, отчасти выходя изъ своихъ общинъ и закладываясь за монастыри, духовныхъ и служилыхъ лицъ, а отчасти продавая тяглые городскіе дворы и угодья свои бѣломѣстцамъ, вслѣдствіе чего эти дворы и угодья выходили изъ общей массы городскихъ имуществъ, подлежащихъ податному сбору. Легко представить себѣ матеріальный ущербъ, проистекавшій отъ подобнаго порядка вещей для городскихъ и уѣздныхъ общинъ по отношенію къ податной

повинности: за выходомъ изъ общинъ значительнаго количества податныхъ плательщиковъ и за отчужденіемъ бѣломѣстцамъ тяглыхъ дворовъ и угодій—оставшимся членамъ общинъ, связаннымъ круговою порукою, доводилось раскладывать наложенную на общину податную сумму уже между меньшимъ количествомъ податныхъ единицъ, въ ущербъ матеріальному благосостоянію отдѣльныхъ плательщиковъ. Вскорѣ послѣ окончанія смутнаго времени, обусловленная вышеуказанными причинами подвижность народонаселенія приняла столь обширные размѣры, что стала угрожать совершеннымъ разстройствомъ народному и государственному хозяйству. Массами посыпались въ Москву челобитныя общинъ о прекращеніи свободного выхода изъ общинъ и тягла и, въ частности, челобиты городскихъ общинъ о запрещеніи посадскимъ людямъ отчуждать городскіе дворы и угодья свои бѣломѣстцамъ. Жаловались правительству на разстройство внутренняго быта своего и служилые люди, ходатайствуя объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ своихъ, объ увеличеніи размѣровъ помѣстныхъ окладовъ своихъ и объ уравниеніи служилой повинности для высшихъ и низшихъ служилыхъ чиновъ. Всѣ эти ходатайства различныхъ классовъ населенія облекались или въ форму отдѣльныхъ челобитныхъ, подававшихся на имя государя, или же въ форму петицій, заявлявшихся на земскихъ соборахъ; особенно замѣчательнъ былъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи земскій соборъ 1642 года, созванный для обсужденія Азовскаго вопроса. Результатомъ челобитій, подававшихся государямъ по различнымъ вопросамъ земскаго строенія, явился длинный рядъ царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, исподоволь подготовлявшихъ какъ

закрѣпленіе городского посадскаго населенія, съ рѣзкимъ отграниченіемъ его отъ населенія волостнаго, уѣзнаго, такъ и окончательное закрѣпленіе крестьянскаго населенія, путемъ увеличенія, а наконецъ и полной отмѣны, урочныхъ лѣтъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ. Въ удовлетвореніе же жалобъ населенія на утѣсненія его со стороны лицъ сильныхъ и вліятельныхъ, злоупотреблявшихъ значеніемъ своимъ для притѣсненія лицъ и состояній болѣе слабыхъ,— еще въ царствованіе царя Михаила учреждена была особая приказная коммиссія изъ бояръ, князей Ив. Бор. Черкаскаго и Дан. Ив. Мезецкаго, для сыска и дачи суда по жалобамъ подобнаго рода. Но всѣ мѣры, принимавшіяся правительствомъ для улучшенія внутренней государственной и общественной жизни, не достигали желаемого результата, какъ вслѣдствіе того обстоятельства, что эти мѣры не имѣли рѣшительнаго характера, такъ и вслѣдствіе ихъ казуистичности и случайнаго происхожденія, вслѣдствіе чего лица, заинтересованныя въ дѣлѣ, всегда умѣли находить способы и лазейки для обхода устанавливавшихъ ихъ узаконеній.

Всѣ указанные нами нестроенія государственной и общественной жизни подготовили къ концу первой половины XVII вѣка необходимость кореннаго пересмотра законодательства, необходимость дать твердыя нормы государственному и общественному быту, необходимость дать населенію гарантіи равнаго, праваго и безволочитнаго суда, необходимость начертать опредѣленный кругъ правъ и обязанностей для всѣхъ классовъ населенія. Оівътомъ на эти потребности и явилось изданіе въ 1649 году Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Теперь ясно для насъ то весьма важное значеніе, которое должно было имѣть изданіе этого

памятника какъ для интересовъ правительства, такъ и для интересовъ земщины; теперь понятно для насъ, почему само правительство, въ предисловіи къ Уложенію, называетъ его изданіе „государевымъ и земскимъ великимъ дѣломъ“. Изъ предисловія къ Уложенію узнаемъ мы также, что памятникъ этотъ изданъ для того,—чтобы „Московского государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меньшаго чина, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ равна“, чтобы „государево царственное и земское дѣло утвердити и на мѣрѣ поставити, чтобы тѣ всѣ великія дѣла впредь были ничѣмъ нерушимы“.

Существуетъ весьма любопытное указаніе на то, что къ составленію Уложенія приступило Московское правительство въ виду заявленнаго о томъ желанія представителей земщины. Хотя въ самомъ предисловіи къ этому законодательному памятнику о томъ и не упоминается, но въ дошедшей до насъ грамотѣ въ Нагорную половину Обонежской пятины, съ предписаніемъ о присылкѣ въ Москву выборнаго человека къ земскому собору, собиравшемуся по поводу составленія Уложенія, читаемъ мы,—что составленіе послѣдняго предпринимается по указу Государя и Патриарха, по приговору бояръ и „по челобитію стольниковъ и стряпчихъ, и дворянъ Московскихъ, и жильцовъ, и дворянъ и дѣтей боярскихъ *всѣхъ юродовъ*, и иноземцовъ, и гостей, и гостинныхъ и суковныхъ и *всякихъ чиновъ* торговыхъ людей“. Нельзя не остановиться въ недоумѣніи передъ этимъ историческимъ свидѣтельствомъ, достовѣрность котораго, въ виду оффиціальнаго характера акта,—не можетъ подлежать тѣмъ не менѣе сомнѣнію. Когда именно заявлено было челобитье, о которомъ идетъ рѣчь? Въ разрѣшеніе этого вопроса можно

допустить три предположенія: челобитье о составленіи новаго законодательнаго сборника могло быть заявлено или на земскомъ соборѣ 1645 года, созванномъ послѣ кончины царя Михаила Ѳеодоровича, или на какомъ либо земскомъ соборѣ, свѣдѣнія о наличности котораго до насъ не дошли и который могъ имѣть мѣсто въ промежутокъ времени отъ 1645 до 1649 года, или подъ заявленіемъ правительства о составленіи Уложенія по челобитью различныхъ чиновъ людей; могло скрываться желаніе указать, что къ этой мѣрѣ прибѣгается вслѣдствіе цѣлаго ряда отдѣльных челобитій различныхъ общинъ, подававшихся до 1649 г., о которыхъ выше упоминали мы. Мы лично болѣе всего склоняемся къ первому предположенію, т. е. что челобитье о составленіи новаго законодательнаго сборника, долженствовавшего дать твердость распатанному государственному и общественному быту — было заявлено выборными людьми земскаго собора 1645 года. Еще въ послѣдніе годы жизни царя Михаила, именно на земскомъ соборѣ 1642 года, поданы были различными группами выборныхъ людей весьма серьезныя петиціи, обращавшія вниманіе правительства на многіе недостатки внутренней государственной жизни; ничего не могло быть естественнѣе факта, что, три года спустя, земскій соборъ, при наличности котораго вступалъ на престолъ шестнадцатилѣтній царь Алексѣй, повторяя прежнія петиціи, указалъ и на необходимость пересмотра и систематизаціи законодательнаго матеріала. Какъ бы то ни было, но до третьяго года царствованія Алексѣя Михайловича не было приступаемо къ пересмотру законодательства. Но вотъ лѣтомъ 1648 года произошли въ Москвѣ событія, быстро подвинувшія этотъ вопросъ къ его осуществленію. Послѣ брака царя Алексѣя

съ Марьею Милославскою, отецъ послѣдней, Илья Даниловичъ Милославскій и ближайшіе родственники его, Плещеевъ и Траханіотовъ, получивъ важное вліяніе на дѣла правительственныя и пользуясь своимъ новымъ положеніемъ — начали стремиться къ важивѣ, совершенно упуская изъ виду интересы народа; особенный вредъ могъ причинять Леонтій Плещеевъ, бывшій судьей весьма важнаго Земскаго Приказа. Къ старому неудовольствію народонаселенія, еще рапьше негодовавшаго на царскаго любимца Морозова, за его симпатіи къ иноземнымъ купцамъ и за увеличенныя пошлины на соль—прибавилось еще новое. Посыпались многочисленныя челобитныя на Государево имя,—но лица окружавшія царя Алексѣя представляли всегда дѣло царю въ такомъ свѣтѣ, что эти челобитныя, если и доходили до него, то тѣмъ не менѣе оставались безъ удовлетворенія. 25 Мая 1648 года неудовольствіе перешло въ открытый бунтъ: народъ потребовалъ казни своихъ обидчиковъ. Беспорядки были прекращены обѣщаніемъ царя замѣстить должности убитыхъ Плещеева и Троханіотова лицами честными и пріятными народу, уменьшить соляную пошлину, уничтожить монополию и лично наблюдать за тѣмъ, чтобы судъ былъ безпосильный и всѣмъ равный⁽¹⁾.

И дѣйствительно, менѣе нежели черезъ два мѣсяца послѣ сейчасъ лишь описанныхъ событій—данъ былъ царскій указъ о составленіи новой Уложенной книги, „чтобы, говорить этотъ указъ, Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ равна“. Что дѣлу

(1) Соловьевъ: Исторія Россіи, X, стр. 153—156.

составленія Уложенія данъ былъ рѣшительный толчокъ выше описанными событіями—на это указываетъ и лихорадочная быстрота, съ которою приступлено было къ выполненію задачи, болѣе раннему осуществленію которой ставились вѣроятно затрудненія со стороны окружавшихъ молодого царя приближенныхъ, находившихъ въ томъ свой личный интересъ. Первые распоряженія объ организаціи подготовительныхъ работъ для составленія новаго законодательнаго сборника сдѣланы были 16 іюля 1648 года. Въ этотъ достопамятный день, какъ свидѣтельствуется самое предисловіе къ Уложенію, царь Алексѣй Михайловичъ, по совѣту съ патриархомъ и членами освященнаго собора и по приговору бояръ и думныхъ людей своихъ, указалъ немедленно приступить къ выясненію и собиранію законодательнаго матеріала для будущаго сборника, по слѣдующей программѣ: „Которые статьи написаны въ правилѣхъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ, и въ градскихъ законѣхъ греческихъ царей, а пристойны тѣ статьи къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ, *и тѣ бы статьи выписать*; и что бы прежнихъ великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, и отца его Государева, блаженныя памяти великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всея Русіи, *указы и боярскіе приговоры на всякія государственныя и на земскія дѣла собрать, и тѣ государевы указы и боярскіе приговоры съ старыми Судебники* ⁽¹⁾ *справити*. А на которыя *статьи* ⁽²⁾ въ прошлыхъ годѣхъ прежнихъ государей въ судебникахъ указу не положено и

⁽¹⁾ Вел. князя Іоанна III-го и царя Іоанна IV-го.

⁽²⁾ Т. е. законодательные вопросы.